УДК 323

Люлька О.Ф., советник департамента
по вопросам внутренней политики аппарата
полномочного представителя Президента РФ в ЮФО

Массовая протестная активность и социально-политическая трансформация в условиях глобализации

В статье рассматриваются особенности проявления социального протеста в современных обществах, испытывающих мощное влияние процесса глобализации. Исследуется ряд теоретических дополнений к классической теории относительной депривации. Предлагается авторская интерпретация технологии мобилизации протестной активности населения Анализируется феномен универсализации сценариев возникновения масштабной протестной активности в различных странах.

Ключевые слова: социальный протест, протестная активность, относительная депривация, мобилизация, сетевая коммуникация, политическая трансформация, глобализация

Понятие социального протеста охватывает достаточно широкий круг явлений. К социальному протесту относят и оспаривание, отрицание всего социального порядка, принципов общественного устройства, и неприятие каких-то отдельных сторон общественной жизни, и возмущение сложившимися порядками, институтами, и выступления лишь против определенных тенденций в политике, экономике или культуре. Таким образом общее понятие социального протеста относится к явлениям, различным по своей массовости, социальным предпосылкам, групповой субъектности, силе, интенсивности и последствиям. С точки зрения общетеоретического содержания категория социального протеста предполагает обращение к еще более широким социологическим категориям, образующимся на пересечении понятий социального конфликта и дисфункциональности социальных структур.

Достаточно важный критерий отграничения протеста как типа социальной активности от других ее типов выработан в рамках политической социологии и теории политических конфликтов. Заключается он в разделении конфликтов на две формы: а) протесты и б) восстания. Под протестом при этом понимается такая форма проявления конфликта, предмет которого касается каких-то конкретных поводов, действий доминирующей стороны (власти). Протестное поведение в этом случае оказывается не очень продолжительным и включает такие организационные формы, как демонстрации, забастовки, уличные столкновения и другие действия, нарушающие общественный порядок. Восстания же, по мнению исследователей, предполагают постановку более фундаментальных вопросов – «кто правит», «с помощью каких средств» – и чаще всего предполагают переход от провокаций к непо-

средственному насилию, проявляемому одной или обеими сторонами конфликта [1]. Современные реалии, однако, показывают, что этот критерий при определенной политической и институциональной конфигурации может не работать, примером чему является российская оппозиция, постоянно обращающаяся к указанным выше «фундаментальным вопросам», однако не переходящая к протестным акциям с использованием насилия.

Исследуя социально-психологические механизмы возникновения социального протеста, Т. Гарр разработал концепцию относительной депривации, согласно которой агрессивные формы протеста связаны с крушением надежд и чаяний индивидов и социальных групп в условиях, когда возникает разрыв между фактически сложившимся уровнем потребности в каком-то благе и социальными возможностями его достижения. Такой разрыв неизбежно порождает фрустрацию, и, что характерно, одновременно у многих людей, в результате:

а) снижения возможностей удовлетворения потребностей (в том числе ценностных экспектаций) на фоне возрастания ожиданий;

б) снижения возможностей удовлетворения потребностей при сохранении ожиданий на прежнем уровне;

в) возрастания ожиданий при том, что возможности их реализации воспринимаются неизменяющимися.

Если рассматривать уровень относительной депривации в динамике, она является неизменным спутником гражданской борьбы и протестного противостояния: люди могут терпеть значительные лишения, даже в сравнении с прошлыми благополучными временами, однако стоит добавить в этот набор отсутствие надежды на лучшее, на положительные изменения («потеря образа будущего») – социальный субъект (индивид или группа) впадает в апатию, отупление, отчаяние. Таким образом, как инструментальная категория понятие относительной депривации предполагает исследование как недовольства людей, так и социальных условий, которые порождают это недовольство.

Помимо относительной депривации, Т. Гарр называет еще два фактора, формирующих потенциал протеста. Во-первых, это те убеждения, оправдания (моральный горизонт), которые делают риск (а любой протест так или иначе связан с риском) оправданным, а соответствующие протестные или политические акции необходимыми. Во-вторых, это баланс между способностью недовольных людей к действию (возможностями организации и самоорганизации) и способностью правительства подавить или канализировать недовольство [2]. В кратком виде данная методологическая схема выглядит следующим образом (факторы, определяющие модель социального протеста по Т. Гарру):

а) уровень относительных депривaций;

б) потенциал групповой организации;

в) соотношение ресурсов репрессий и поддержки (например, международной, этнической и т.п.).

Как отмечает сам Т. Гарр, критикуя его модель на основе метода кейс-стади с данными за более чем тридцатилетний период, различные исследователи предлагали следующие коррективы: Ч. Тилли указывал на приоритет исследования механизмов политической мобилизации, Т. Скокпол – на необходимость комплексного изучения социальной и политической структуры, С. Тарроу – на возможности возникновения и распространения массовых социальных движений [3]. Кроме того, на основе анализа эмпирических данных многие исследователи пришли к выводу, что в стабильных с социально-экономической точки зрения обществах мотивация к протесту имеет многофакторный характер и не является жестко зависимой от уровня относительной депривации (если рассматривать ее преимущественно в терминах материального благосостояния).

В современных условиях информационного и глобализированного общества возникает ряд новых вызовов данной концепции. Во-первых, это все чаще встречающееся смещение между субъектом депривации и субъектом протеста: почему, например, против эффектов глобализации протестуют образованные молодые люди в странах Запада, а не бедняки эксплуатируемого Юга. Или, почему выходцы из одной и той же близкой культурной среды выбирают различные варианты социального действия в ответ на депривирующие обстоятельства. Иными словами, речь идет о тонких механизмах, влияющих на субъективные интерпретации и субъективный выбор, на то, какие убеждения и как формируются у людей по поводу образа достойной жизни и способов его достижения.

Как отмечает сам Т. Гарр, одним из понятий, которое должно дополнить данную концепцию на современном этапе, является понятие групповой идентичности, поскольку идентичность, вокруг которой формируется групповая солидарность, связи, во многом является маркером того, что люди будут считать справедливым и несправедливым не только лично для себя, но и для себя-коллектива, своей референтной группы. К этому можно добавить еще ряд исследовательских вопросов: с кем люди, готовые на социальный протест, себя идентифицируют, и при каких обстоятельствах эта идентичность становится достаточно отчетливой для них?

Политический протест как форма социального протеста имеет своими макросоциальными предпосылками общий уровень развития и демократичности политической системы. В рамках различных типов политических режимов (демократический, авторитарный, тоталитарный) социальный протест значительно отличается по своей интенсивности и организационным формам. Общая закономерность здесь, однако, заключается в том, что те политические режимы, механизмы легитимации которых не являются достаточно устойчивыми при данных исторических и социально-экономических условиях, рано или поздно слабеют, трансформируются и рушатся вследствие чередования внешних и внутренних факторов, пока мощная волна социального и политического протеста коренным образом не изменит общественную систему.

Как указывает Т. Гарр, легитимность правительств является главной детерминантой того, будет ли народный гнев направлен против властей или будет канализирован в другого рода акции [3, с.34]. Главным источником энергии политического протеста, как правило, является насаждаемое правительством неравенство, а также репрессивная политика, которая чаще всего увеличивает сопротивление. Однако понятно, что не только активисты протеста, но и сами правительства являются важнейшими участниками процесса: одни из них правят при помощи репрессий, фактически воспроизводя условия для будущего мятежа, другие управляют при помощи политики уступок, которая вносит свой вклад в демократическое развитие и социальный мир.

Если при тоталитарном политическом режиме социальный протест первоначально уходит преимущественно в «превращенные», метафоризированные, инверсные формы, и эти режимы разрушаются под вследствие ослабления из внутренних (разложение элиты, смерть лидера, внутриэлитная конкуренция), либо внешних факторов, то авторитарные режимы, избегая опасности дестабилизации, часто стараются выстроить систему закрытой или управляемой демократии. В таких политических системах демократические институты и процедуры сохраняются, однако правящая элита контролирует процесс преемственности власти и избирательный процесс. Образцом подобного рода режимов считались в свое время Италия, Мексика, Япония. Однако под давлением социального протеста политические режимы в этих странах тем или иным образом вышли на путь демократизации. Еще одним примером является авторитарный режим в Испании, лидеры которого верили, что большие успехи в области экономики позволят сформировать консервативное большинство, не интересующееся политикой. Однако он, напротив, стал фактором эскалации социального протеста и политических конфликтов, приведших в итоге к культурным, социальным и политическим переменам [4, с.57].

В статье Е.Т. Гайдара «Авторитарные режимы: причины нестабильности» приводятся следующие примеры, когда акции протеста, постепенно заражая различные социальные группы общества, приводили к смене авторитарных режимов. Один из примеров – Тайвань конца 1970-х гг. К этому периоду в стране сложилась высокоиндустриальная экономика, в контексте которой прежние формы политического контроля постепенно становились неэффективными, поскольку несопоставимо возросло число высокообразованных горожан. Вполне успешно используемые до этого репрессии в новых условиях стали подрывать авторитет властей и одновременно увеличивать популярность гонимой оппозиции. Тема коррупции силами активистов стала предметом общественного обсуждения. Закрытие нелояльных СМИ спровоцировало митинги и столкновения с полицией. В среде интеллигенции возникает спрос на идею плюралистичной партийной системы. Оппозиционные власти сообщества, раз это невозможно в рамках существующей нормативно-институциональной системы, формируются там, где это возможно – в университетской среде. Социальный спрос на перемены начинают отстаивать

независимые депутаты, протестуя против монополии правящей партии доступными способами – байкотом парламентских заседаний и др.

В результате десятилетнего противостояния правящая партия Гоминьдан отменяет чрезвычайное положение и разрешает существование иных политических партий [4, с.56-57]. Это один из сценариев, в которых движение общественного протеста, формирующееся и нарастающее постепенно, приводит к радикальным политическим трансформациям. В других социально-политических условиях при внешне схожих предпосылках протест может принять более экстремальные формы – примером чему является режим Батисты на Кубе и революционный протест, возглавлямый Ф. Кастро, Че Геварой и др.

В целом же логика политического протеста связана с тем, что социально-экономическая трансформация приводит к политической мобилизации широких слоев населения, и чаще всего – из поколения молодых. Социально-экономическое развитие приводит не только к росту урбанизации, но, что более важно, формирует особую социальную среду – городское общество, социальная структура которого обуславливает возникновение спроса на демократизацию. Критической может оказаться роль творческой или интеллектуальной элиты, способной выразить интересы угнетаемых слоев общества (что близко к марксовской схеме), или пассионарность студенческой молодежи.

В условиях роста протестной активности в России в конце 2011-начале 2012 года, такая социальная сила городского общества обозначила себя как «недовольные горожане» или «креативный класс». Именно эта группа населения обеспечила колоссальный прирост численности митингов и митингующих при том, разумеется, что реальный потенциал социально-политического протеста связан не только с либеральной идеологией, к которой больше всего тяготеет «креативный класс», но и с националистической, и с социалистической, и с их гибридами.

Возвращаясь к соотношению таких факторов, как характер и форма социального протеста и характер политического режима, в условиях которого осуществляется протест, отметим более или менее общее качество демократий – они лучше управляют механизмами поддержания легитимности: необходимость перевыборов заставляет политиков идти по пути компромисса. Однако демократичность политического режима отнюдь не означает отсутствие протестного потенциала или даже потенциала борьбы, потому что иные демократии бывают крайне репрессивными в отношении меньшинств (возьмем, к примеру, страны Балтии и русскоязычное меньшинство). В то время как некоторые режимы, которые могут быть квалифицированы как авторитарные, иногда настроены на долгосрочные программы социальных реформ.

Протестные движения являются важнейшим фактором трансформаций не только отдельных политических систем, но и мировой системы в целом. В своей книге «Конец знакомого мира» И. Валлерстайн, анализируя глобальные трансформационные тенденции, указывает на то, какую роль сыгра-

ли протестные движения в зарождении и разрешении противостояния между мировыми политическими и идеологическими системами. Как характерный признак социального и политического протеста И. Валлерстайн называет тесную связь антисистемного политического действия с мобилизационной мощью веры в альтернативные идеалы (либерализму или коммунизму), а также то, что лидеры мировых антисистемных движений «мобилизовали людей обещаниями надежды», получая взамен поддержку и нравственную энергию протеста [5, с.98]. Кроме того, следует добавить, что политический протест как тип социального протеста обычно является наиболее заметным из всех типов протеста – его последствия затрагивают важнейшую сферу жизни общества, а масштабы обычно намного больше, нежели при других типах социального протеста.

В работе «Альтернативный глобализм» К. Агитоном подробно исследуются и систематизируются современные протестные движения, действующие в региональном и глобальном масштабе. Однако интерес представляет описание того, как впервые проявился антиглобалистский протест. Во-первых, зародился и сформировался он в США – стране, которая по всем наблюдательным данным больше всего выигрывает от глоабализации. И это как раз тот феномен, о парадоксальности которого говорил Т. Гарр.

Во-вторых, начало антиглобалистских акций стало полной неожиданностью практически для всех: «Вечером 30 ноября 1999 года главной темой новостей всего мира стало совершенно неожиданное событие в Соединенных Штатах: в Сиэтле демонстранты блокировали зал заседаний, где должна была состояться генеральная ассамблея Всемирной Торговой Организации (ВТО), одного из самых влиятельных международных институтов. Решимость и многочисленность манифестантов, а также неподготовленность полиции заставили американские власти объявить чрезвычайное положение» [6, с.7].

Так возникла DAN –«DirectActionNetwork» («Сеть прямого действия») – организация нового типа, показавшая свою эффективность на еще одной громкой акции – 16 апреля 2000 г. в Вашингтоне во время проведения ассамблеи МВФ. DAN представляла собой гибкую структуру, состоящую из организованных групп людей, приехавших со всей территории США, незнакомых друг с другом, однако идеально исполняющих свою роль во время скоординированных акций протеста.

Эффективность сетевых форм социального протеста была быстро оценена специалистами в области политических технологий: большинство из так называемых «цветных революций» последнего десятилетия представляют собой политические перевороты, ядром которых стала мощная сетевая протестная активность. В этих случаях западными странами была использована форма «мягкой силы», идея и технология использования которой были сформулированы в работах Дж. Ная: переход от использования военной силы и принуждения к продвижению внутренних изменений путем манипулирования нормами и ценностями граждан [7]. Политика, основанная на данном

подходе, предполагает использование поддержки объединений гражданского общества для смены режимов в авторитарных государствах максимально мирными и легитимными способами. Замечая по ходу, что далеко не всегда смена режимов даже при использовании мягкой силы происходит мирно (подтверждением чему является волна арабских революций), отметим, что цветные революции представляют собой новый тип социальных и политических изменений, основанных на комбинации массового протестного движения, инициированного при помощи «мягкой силы», и классических приемов революционного переворота.

Исследуя логику оранжевых революций как политического феномена, профессор Кембриджского университета Д. Лейн отмечает, что схожесть всех «цветных революций» в том, что они представляли собой внедрение «демократии снизу» [8]. Будучи различными по содержанию, все эти движения имели общую стратегию и черты:

1) массовые протесты происходили с главным требованием расширить формы участия народа в функционировании режима;

2) все эти движения имели конечной целью смещение действующих политических лидеров;

3) в центре внимания протестующих каждый раз находились предполагаемые фальсификации процедуры выборов;

4) основную часть участников митингов составляла молодежь, в особенности студенческая.

Однако принципиально новым в данных движениях стала роль информационного фактора – использование мобильных телефонов, Интернета – для мобилизации протеста, а также поддержка рядом местных и большинством западных СМИ. При этом Д. Лейн отмечает пикантный момент, который он, впрочем, признает не нарушающим принципы демократии: «Раскрутка и организация этих массовых манифестаций требовали значительных ресурсов: пропагандисты, музыканты, артисты и даже организаторы и участники получали зарплату и питание в течение всего процесса» [8].

Иная организационная форма, интенсивность протекания и сценарии эскалации цветных революций, на наш взгляд, не отменяют фундаментальной методологической схемы, предложенной Т. Гарром. В феномене сетевых революций мы можем найти те же действующие факторы (социально-психологическое состояние субъекта протеста, факторы поддержки, сценарии взаимодействия с правительством и т.д.): «Мобилизация народных масс на борьбу против действующего режима определяется основополагающим социально-экономическим расслоением или несбывшимися ожиданиями, которые контрэлиты превратили в политический капитал»[8, с.24]. Различия в этих структурных и психологических факторах могут объяснить успех или поражение протестных движений данного типа. Необходимо также отметить, что цветные революции носили характер своеобразной цепной реакции, в которой успех протестного движения в одной стране становился источником мотивации и мобилизации в другой.

В исследованиях социального протеста, необходимо уделять особое внимание механизмам мобилизации, поскольку эмпирический анализ примеров социального протеста показывает, что способность людей организоваться – важнейшее условие проявления открытого протеста. Чем выше уровень мобилизации в группе, городе или стране, тем шире распространяется протест. Таким образом, для того, чтобы понять, «где и как люди готовятся предпринять рискованную политическую акцию, мы должны начинать с групповых идентичностей и разделяемых обид» [3, с.33]. При анализе конкретной протестной акции также необходимо добавить элемент рационального анализа в том ключе, вносят ли данные действия вклад в достижение целей протестующей группы и каким именно образом.

Информационно-коммуникационный фактор способствует тому, что если ранее большинство протестных акций, равно как и революционных движений были специфическими для одной страны или даже одного региона, то в настоящее время мы можем видеть реализацию технологически схожих сценариев протеста, порой как будто срежессированных по упомянутой выше схеме:

а) актуализация недовольства $\Rightarrow$ б) формирование протестной идентичности $\Rightarrow$ в) формирование мобилизационной идентичности $\Rightarrow$ г) мобилизация коллективного протестного действия $\Rightarrow$ д) ресурсная поддержка.

Именно по этому сценарию, на наш взгляд, осуществлялись и оранжевые революции на постсоветском пространстве, и арабские революции последней волны.

Литература

1. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47

2. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 30-31.

3. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 31; См.: Tilly, Charles. From Mobilization to Revolution. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1978; Skocpol, Theda. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994; Tarrow, Sidney. Power in Movenment: Social Movenments and Contentious Politics, 2nd edn. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.

4. Гайдар Е.Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 57.

5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. 98.

6. Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: «Гилея», 2004. С. 7.

7. См.: Най Дж. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». М.:Тренд,2006.

8. Лейн Д. «Цветная» революция как политический феномен // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 1. С. 17.